ИНСТИТУТ
ВОСТОЧНЫХ
РУКОПИСЕЙ
РАН

РУССКАЯ
ХРИСТИАНСКАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ
АКАДЕМИЯ

Миссионеры на Дальнем Востоке

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
19–20 НОЯБРЯ 2014 г.

СОСТАВИТЕЛИ:
В. Ю. КЛИМОВ, Т. А. ПАН,
К. Г. МАРАНДЖЯН, Д. КИКНАДЗЕ, В. В. ЩЕПКИН

Издательство РХГА
Санкт-Петербург
2014

УДК 2(571)
ББК 86.2(55)
М65

Составители:
В.Ю. Климов, Т.А. Пан,
К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин

М65 **Миссионеры на Дальнем Востоке:** Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–20 ноября 2014 г.). — СПб.: Издательство РХГА, 2014. — 207 с.

ISBN 978-5-88812-702-5

УДК 2(571)
ББК 86.2(55)

ISBN 978-5-88812-702-5

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство РХГА, 2014

Содержание

От составителей.....6

Адамек П.
Польские миссионеры в Китае в XVII–XVIII веках.....8

Бертова А. Д.
Жизнь и деятельность Ниидзима Дзё.....11

Болошина М. С.
Русская Духовная Миссия и японские женщины
эпохи Мэйдзи (по материалам журналов «Мадо» и «Муза»)...13

Болтач Ю. В.
«Деяния [людей] Трёх государств» о первом проповеднике
буддизма в Корее — монахе Шунь-да.....24

Валеев Р. М., Колесова Е. В., Хабибуллин М. З.
Миссионерское востоковедение в Казани:
события и судьбы (XIX – начало XX вв.).....30

Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г.
В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии:
архивные материалы (1840–1850 гг.).....35

Даньшин А. В.
Участник тринадцатой российской духовной миссии
в Китае М. Д. Храповицкий и его вклад в изучение
дальневосточного права.....47

Дмитренко А. А.
Российская духовная миссия в Китае в сравнении
с инославными миссиями: причины неуспеха.....50

Захарова И. М.
Итоги изучения Сибири и Монголии
участниками посольства Ю. А. Головкина 53

Кикнадзе Д.
Об одном эпизоде из жизни патриарха японской
школы Тэндай Эннина (по материалам сборника
«Удзи сюи моногатари», XIII в.) 56

Климов В. Ю.
Христианство в Японии во 2-й половине XVI –
начале XVII вв.: миссионеры, христианские даймё,
источники (краткий обзор) 69

Лапин П. А.
Первый опыт организации православного образования
в Китае во время династии Цин: к истории Албазинского
мужского училища (первая четверть – конец XIX в.) 90

Маранджян К. Г.
Карл Гюцлаф в воспоминаниях современника
(по материалам дневника миссионера Б. Беттельхайма) 105

Мартынов Д. Е.
Специфика деятельности X православной
Духовной миссии в Пекине (1821–1831) 114

Месхидзе Д. И.
Педро Аррупе Гондра и его миссионерская
деятельность в Японии (1938–1965)..... 117

Михайлова С. А.
Путевые заметки художника В. В. Верещагина
о поездке в Японию летом 1903 года 120

Носов Д. А.
Особенности деятельности Казанской
миссионерской школы в буддийских регионах..... 122

Османов Е. М.
Влияние «христианского столетия»
на переход к политике самоизоляции Японии 141

Пан Т. А.
Деятельность Доменика Парренина в Пекине 161

Lauren F. Pfister
The Values and Limits of a Hermeneutics
of Suspicion in Evaluating the Canon-in-Translations
Produced by Missionary-Scholars: Cases and Reflections 171

Сизова А. А.
Предварительные замечания о первом переводе
«Ламрим Ченмо» на европейский язык, выполненном
миссионером-иезуитом Ипполито Дезидери (1684–1733) 173

Чхве Чиюн
Краткий очерк истории Корейской Православной Церкви ... 183

Шубина С. А.
Источники личного происхождения о российской
духовной миссии в Китае (XVIII – начало XX века) 192

Щепкин В. В.
Первые миссионеры в землях айнов (1618–1622)
и их наследие 200

Валеев Рамиль Миргасимович,
доктор исторических наук, профессор
Казанского (Приволжского) федерального университета
valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна,
кандидат педагогических наук, доцент
Казанского государственного университета
культуры и искусства

Федорченко Руслан Геннадьевич,
соискатель Казанского (Приволжского)
федерального университета

В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.)[1]

В XVIII–XX вв. в России формируется и развивается синология — актуальная научная дисциплина и направление мирового востоковедения. Истоки развития университетской синологии в России связаны с Казанью. Разнообразные опубликованные и архивные материалы свидетельствуют о том, что изучение Китая и китайского языка занимало важное место в деятельности Первой Казанской гимназии и Восточного разряда Казанского университета в первой половине XIX в.

История академического и университетского отечественного китаеведения XIX в. представлена именами ярких и выдающихся ученых-синологов и их бесценным наследием, посвященным истории и культуре великого соседа России — Китая. Среди них особо

[1] Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ № 13–11–16008 а/В/2013 и № 14-11-16015 а/В 2014.

выделяются Н. Я. Бичурин (1777–1853), П. И. Каменский (1765–1845), С. В. Липовцев (1770–1841), П. И. Кафаров (1817–1878) и В. П. Васильев (1818–1900). Все они в разные годы жили и учились в Казани, и их тернистый путь в науку о Китае был связан с Российской духовной миссией в Пекине. Жизнь и наследие Бичурина, Кафарова и Васильева составили эпоху в российском китаеведении XIX в. — науке о Востоке, изучающей Китай, его народ, язык, историю и культуру. Их биографии и судьбы тесно сплетены и в целом раскрывают величие и трагедию научного творчества и поиска первых российских ученых-китаеведов, заложивших основы классической синологии в России [1].

Истоки православной миссии в Китае связаны с первым (1700) и последующими Указами Петра I. В 1712 г. цинский император Сюанье (1654–1722) разрешил приезд духовной миссии в Пекин [2].

Первая духовная миссия прибыла в Пекин в 1715 г. для осуществления религиозной деятельности среди пленных албазинцев, проживавших в Китае. С начала действия миссии Поднебесную посетили десятки учеников, был накоплен огромный опыт, служивший не только монахам, но и Синоду, Министерству иностранных дел, Академии наук и российским университетам. Духовная миссия являлась единственным зарубежным гуманитарным центром подготовки российских исследователей истории и культуры народов Дальнего Востока.

Особенно с Девятой миссии начинался ряд нововведений, принесших в дальнейшем ощутимую пользу российскому и европейскому китаеведению. Во-первых, членов миссии предварительно обучали основам китайского и маньчжурского языков: с будущими членами миссии проводили занятия такие опытные переводчики Азиатского департамента Коллегии иностранных дел, как Н. Я. Бичурин, С. В. Липовцев, М. Д. Сипаков.

Во-вторых, важным нововведением было составление предписаний руководителю миссии, имеющих целью поставить ясные и четкие ориентиры будущей работы в Китае. Одним из таких программных документов была инструкция Я. И. Шмидта (1779–1847), составленная для руководителя Десятой духовной миссии и озаглавленная «Инструкция для отправления в Китай путешествен-

ников по части восточного языкоучения, истории и литературы». Инструкция в русском переводе представляет собой рукописный документ, датированный 3 декабря 1829 г. [3]. Говоря о предметах, которыми, по мнению Шмидта, должны заниматься члены миссии, — он выделяет три направления: история и физика предметов; восточные языки и литература; этнография Китая и соседствующих стран.

Монголовед и тибетолог Я. И. Шмидт, характеризуя современное состояние Китайской империи, указывает необходимость изучения истории и культуры Поднебесной: «Китайская же империя, особенно при ныне царствующей династии, так распространилась и получила такое влияние, которому за исключением разве среднего периода Монгольского владычества, мало находится примеров в прежней их истории <...> Нужно ли распространяться о том, какое же необозримое поле открывается во всех отраслях познаний» [4]. Автор настаивает на необходимости более тщательного изучения китайских древностей и литературы. В пример он ставит западноевропейских ученых, показывающих «в своих познаниях о китайской истории и литературе основательность, вполне заслуживающую даже удивления и благодарную признательность».

Формирование отечественного университетского китаеведения в Казани связано со следующими событиями и именами. 11 мая 1837 г. впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности, в 1844 г. преобразованная в китайско-маньчжурскую кафедру. Первым профессором китайского языка в Казанском университете стал архимандрит Даниил (Д. П. Сивиллов, 1798–1871), который преподавал в 1837–1844 гг. Преемником архимандрита Даниила в Казанском университете стал И. П. Войцеховский (1793–1850), заложивший основы научного маньчжуроведения в Казани в 1844–1850 гг. В 1851–1855 гг. кафедру возглавлял В. П. Васильев (1818–1900), который только что приехал из Пекина [5].

Большой интерес представляет комплекс неопубликованных или фрагментарно известных документов российских архивных центров (Санкт-Петербург, Москва, Казань и др.), позволяющих углубить изучение историко-научных событий, биографии, фор-

мирования рукописных фондов, китайского языка, в целом развития исследовательских направлений научного, практического и просветительского изучения истории и культуры народов Китая в России.

Истоки отечественного университетского китаеведения связаны с основными участниками и целенаправленной подготовкой выпускников университета в Пекинской духовной миссии.

14 марта 1838 г. профессор китайского языка архимандрит Даниил получил от попечителя Казанского учебного округа письмо, в котором тот просил оценить знания студента С. Рушко. Аналогичное письмо, касающееся кандидата В. Васильева и студента М. Навроцкого, было получено профессором монгольского языка О. Ковалевским. Попечитель М. Н. Мусин-Пушкин (1795–1862, попечитель КУО, 1827–1845) просил оценить знания студентов, намереваясь впоследствии отправить Рушко «в Пекин для усовершенствования в языке китайском», Васильева — для «усовершенствования в языке тибетском», а студента Навроцкого — «для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского» [6].

Планировалось отправить студентов университета в Китай в составе духовной миссии, представлявшей на тот момент одну из немногих официальных возможностей посетить Срединную империю. С XVII в. миссия являлась единственным в России центром для подготовки знатоков китайского и маньчжурского языков. В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайского и монгольского языков, а также истории, культуры и религии народов Цинской империи. До 60-х гг. XIX в. миссия была одним из важнейших историко-культурных центров, поставлявшим для правительства разнообразную информацию о положении дел в Срединной империи.

В ответных письмах в марте 1838 г. преподаватели китайского и монгольского языков — архимандрит Даниил и Осип Ковалевский положительно оценили успехи вышеупомянутых студентов и согласились, что отправление их на стажировку за границу «послужит единственным средством доставить им все возможные способы к приобретению основательных познаний в восточных

языках». Касаясь изучения тибетского языка, ординарный профессор Осип Ковалевский, посетивший в 1831 г. Пекин в составе XI Пекинской духовной миссии, отметил, что «в Китайской столице, сколько мне известно, находятся тысячи лам из природных Тибетцев, а в том числе и таких, которые знают язык Санскритский и разные Индийские наречия».

Получив от преподавателей положительные отзывы о студентах, М. Н. Мусин-Пушкин отправил в Министерство народного просвещения запрос с просьбой включить их в число казеннокоштных студентов XII духовной миссии в Пекин, планируемой к отправке из Москвы в 1840 г. Однако ограниченное количество мест, выделенных для светских членов миссии (всего 5 человек), не позволило включить всех предложеных студентов Казанского университета.

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка, было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В. Васильева, выдержавшего испытания на степень магистра [8]. По поручению Совета университета профессором О. М. Ковалевским в июне 1839 г. была составлена инструкция для студента Казанского университета, направляемого в Пекин. Программа была представлена министру народного просвещения, который направил ее на рассмотрение конференции Академии наук (август 1839 г.).

Сохранилось интересное авторское донесение на немецком и в русском переводе академика Я. И. Шмидта с оценкой положений «образцовой инструкции» профессора О. М. Ковалевского, датированное 10 октября 1839 г. Он писал: «В этой инструкции содержится все, что только можно дать в напутствие на ученое его поприще молодому человеку, уже отметившемуся в университете и подающему своею ревностью к науке самые прекрасные надежды...» [8].

Санкт-Петербургская академия наук, одобрив ее инструкцию, просила у министра народного просвещения разрешения о назначении В. Васильева своим корреспондентом и выделила в его распоряжение 2200 руб. для приобретения в Пекине книг.

Данное «Руководительное наставление» О. М. Ковалевского для основных направлений занятий В. П. Васильева в Пекине

стало оригинальной университетской образовательной и научной программой комплексной подготовки востоковеда-синолога, тибетолога, буддолога и маньчжуроведа [9].

В программе занятий основное внимание обращалось на изучение тибетского и санскритского языков, «истории Тибета, его литературы и древностей», сбор сведений о Китае, Индии и Монголии, приобретение книг и рукописей и др. Будущий ординарный академик В. П. Васильев был назначен агентом-корреспондентом Академии наук с целью приобретения тибетских и монгольских книг, а также для выполнения других академических научных поручений. В дополнение к наставлению университета и Академии наук попечитель распорядился, чтобы были даны дополнительные задания по сбору для Казанского университета редких предметов для обогащения зоологического музея, гербария и т. д. [10].

В инструкции отмечалось, что Казанский университет, отправляя В. П. Васильева в Пекин при Российской духовной миссии сроком на десять лет, надеется со временем приобрести в его лице отличного преподавателя тибетского языка и глубокого исследователя географии, истории, религии и древностей народов, населяющих «восточную полосу Азии». Подчеркивалось обязательное тщательное изучение тибетского языка, а также его наречий, что являлось первым и главнейшим занятием и основною целью будущего ученого. Для этого В. П. Васильеву предлагалось обратить внимание на составление «лексикона» на основе тибетских сочинений разных периодов.

После изучения языка и составления учебных пособий основное внимание должно было быть уделено изучению истории Тибета, его литературы и древностей наравне с историей, литературой и древностями народов, имевших влияние на судьбу Тибета или находившихся с ним в контакте. Отмечалось, что «Индия, Китай, Монголия и другие страны должны необходимо войти в круг любознательности г. Васильева».

При изучении истории необходимо было «определить индийско-тибетскую и китайскую хронологию, равно как и географическое положение государства в разные периоды <...> жизни, не придерживаясь тех систем, придуманных некоторыми ориен-

талистами, оставив в стороне доводы и догадки ученых европейцев». В. Васильеву было поручено «стараться самому изыскивать истинное значение географических наименований», не обращая внимания на системы, придуманные «некоторыми ориенталистами». Предполагалось, что он, получив в университете достаточные сведения о буддизме, ламской иерархии и философии буддизма, сумеет в Пекине «пополнить и совершенствовать приобретенные познания».

Важным предметом наблюдений Васильева должна была стать экономика страны пребывания. «Земли и жители, как основание силы государства <...> государственные постановления и управление; предметы народного хозяйства и народная образованность во всех отношениях», по мнению О. В. Ковалевского, должны занимать внимание г. Васильева. Китайский язык и литература не являлись главным занятием, однако считались важнейшим средством достижения цели [11]. В обязанности В. Васильева также входило приобретение для университетской библиотеки книг на санскритском, китайском, тибетском и монгольском языках. В качестве пожелания высказывались мысли о необходимости иметь собрание тибетских и монгольских летописей, «о которых Европа чрезвычайно мало имеет сведений».

Он был обязан писать донесения и вести подробный дневник о своих занятиях и наблюдениях, как в пути, так и во время всего периода пребывания в Пекине. В дневнике предполагалось помещать ежедневные записи о происшествиях в китайской столице, постановления правительства «и все, что знаменует характер места и народа».

В одном из своих первых писем (от 7 марта 1840 г.) В. П. Васильев писал О. М. Ковалевскому: «Спешу донести Вашему Превосходительству, что по выезде моем из Казани 20-го числа генваря этого года вместе с прочими членами Пекинской духовной миссии прибыл я в Троицкосавск 2-го марта. Этот продолжительный путь доставил приобресть расположение Начальника Миссии и по возможности общаться с моими будущими товарищами. В Иркутск прибыли мы 20-го февраля и провели здесь 9 дней; этим временем воспользовался я осмотреть собрание монгольских и маньчжур-

ских книг, находящихся в семинарии и гимназии; познакомился с учителем монгольского языка Ореховым в первой, — обращал внимание на преподавание этого языка здесь, которое ограничивается только сообразно назначению учащихся <...> переводом Священного Писания» [12].

Во время нахождения в пути и в Пекине Васильев вел обстоятельный дневник. В который, как отмечал В. П. Васильев, были внесены в основном официальные известия, почерпнутые из пекинской газеты, нежели собственные впечатления и переживания.

Другим важным оригинальным источником об этой научной командировке являются его письма, направляемые М. Н. Мусину-Пушкину. В частности, из них мы можем узнать о сложностях, которые возникли с обучением тибетскому языку. Например, В. П. Васильев писал, что учителя из местных лам плохо владели языком и с трудом могли обучить ученика чему-либо новому, кроме изученного им в университете. Прежде чем удалось найти подходящего наставника, Васильеву несколько месяцев пришлось заниматься самостоятельно [13]. Вернувшись в Казань, в отчете для Совета университета, Васильев отмечал: «Напрасно многие ожидают больших успехов от пользования природными учителями. Если учащиеся не знакомятся нисколько наперед с методом, по которому он должен заниматься известным языком востока, то уроженцы приведут его к познанию языка в такие лабиринты, что он долго будет блуждать, напрасно тратя время... Можно сказать, что сведущий профессор в Европе научит ему (языку — *Р. В., Р. В., Р. Ф.*) гораздо скорее, нежели самый ученый китаец природного происхождения» [14].

«Краткий отчет во время десятилетнего пребывания в Пекине магистра Васильева» позволяет оценить предмет и цели его научных и учебных занятий. «Изучая историю и культуру восточных стран, — писал Васильев, — я никогда не почитал занятий собственно китайским языком делом для меня второстепенным» [15].

Важной частью отчета В. П. Васильева является информация о его письменных работах. Автор отмечал, что «отчет о моих письменных трудах покажется не совсем удовлетворительным»: Васильев обращал больше внимания на сбор разнообразного матери-

ала для дальнейшей обработки по возвращении в Россию, также Васильев больше времени уделял поиску редких книг и общению с ламами. На основе архивных материалов следует отметить, что в Пекине В. Васильев составил письменные конспекты по следующим направлениям: тибетская грамматика, история буддизма в Индии, география Тибета, литература буддизма, географические карты и др. [16].

В своей автобиографической записке профессор Санкт-Петербургского университета с горечью отмечал о своем унизительном положении и тяжелом душевном состоянии в Пекинской духовной миссии: «там все попавшие находились в полной зависимости от ее начальника»; «меня, конечно, тут уже не секли, не били, но бывает нечто худшее: притеснения, унижения!»; «и вот я десять лет горел внутренним огнем, меня все жгло, а нужно было казаться беззаботным, веселым... От усиленных занятий языками многие из состава миссии болели, даже сам лекарь миссии долгое время пролежал и был безнадежен».

Во многом благодаря более поздней оценке реалий периода пребывания в Пекине в 1883 г. В. П. Васильев пишет: «Можно положительно утверждать, что Китай имеет все данные, чтоб достигнуть самой высшей точки умственного, промышленного и вместе политического прогресса. Его принцип глубокого уважения к науке, стремление всего народа учиться с необыкновенным напряжением, не стесняясь количеством лет, показывает, что там может вырасти нация самая образованная в свете, что она может создать ученых, которые могут не только разрабатывать науку сообща с остальным миром, но даже не остановятся на общем уровне» [17].

Трудно переоценить значение 10-летия «самоотверженного труда, сбора и изучения материалов по истории буддизма в Тибете и сопредельных с ним странах, настойчивых поисков и обработки данных китайских источников, раскрывающих сложные взаимосвязи китайской империи с соседними народами и племенами, скрупулезной работы над созданием исторических карт Китая со времен глубокой древности до позднего Средневековья, плодотворного усвоения образцов китайской классической литературы

и маньчжурской филологии» молодого китаеведа в истории мирового китаеведения [18].

«Был я в другой школе», — так кратко и емко оценил В. П. Васильев годы, проведенные им в Пекинской духовной миссии.

Исследования Китая и стран Центральной и Восточной Азии, начатые им во время пребывания в составе Духовной миссии, получили свое развитие в периоды научно-педагогической работы в Казанском (1851–1855) и Санкт-Петербургском университетах (1855–1900).

Значимым итогом научной командировки в Пекин стало пополнение библиотеки Казанского университета китайскими, маньчжурскими, тибетскими, монгольскими книгами и рукописями. В 1850 г. В. П. Васильев привез собрание дальневосточных восточных фолиантов [19]. Собрания сочинений, прибывшие в Казань в пятьдесят одном ящике, охватывали все отрасли знаний: богословие, философия, правоведение, библиография и филология, история и география, изящная литература в стихах и прозе, земледелие и промышленность, астрономия и медицина [20]. Благодаря этой уникальной коллекции к середине XIX в. библиотека Казанского университета стала обладательницей «таких истинно редких произведений и собраний, которым, по справедливости, могло бы позавидовать любое книгохранилище в Европе» [21].

Осенью 1850 г. Васильев представил в историко-филологический факультет университета подробный отчет о своей деятельности в Китае [22].

Он добросовестно выполнил все наказы ученых университета, добившись исследовательских результатов, неустанно работал над совершенствованием своих знаний в монгольском, тибетском, китайском и маньчжурском языках, собрал ценный материал по истории, литературе, этнографии, географии, философии и религиям Китая и других стран Дальнего Востока и выполнил огромную работу по изучению феномена дальневосточной цивилизации.

Выдающийся советский китаевед, академик В. М. Алексеев, оценивая пекинский период жизни ученого, отметил: «В. П. Васильев как ученик и эмиссар О. М. Ковалевского выполнил миссию

в Китае честно и самым лучшим образом, гениально». Преподавательское, научное и просветительское наследие ученого-синолога продемонстрировало вершину влияния гуманистических и исследовательских традиций Пекинской духовной миссии в истории российско-китайских гуманитарных связей и российского и мирового китаеведения XVIII – XX вв.

В целом научно-преподавательская и общественная деятельность В. П. Васильева показывает, как разрозненные знания и наука о Китае и окружающих его народах и обществах стали представлять сложное и многоплановое научное и социокультурное явление. Особенно его наследие раскрывает процесс интеграции направлений знаний о народах Центральной и Восточной Азии в целостно-познавательную научную и просветительскую систему. Исследовательское творчество Васильева было связано с языкознанием, историей, литературоведением, философией, географией, эпиграфикой, этнографией народов и цивилизаций Центральной и Восточной Азии. Исследования ученого в этих областях свидетельствуют о прогрессе в развитии приемов, методов и форм познания истории и культуры народов Дальнего Востока.

Литература

1. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения. М.,1977.

2. Дацышен В. Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг — Братство Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, 2010. С. 82–83.

3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 201. Оп. 1839. Д. 12. Л. 15–23.

4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 201. Оп. 1839. Д. 12. Л. 17.

5. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 42. Д. 5. «Дела об учреждении в ун-те кафедры китайского языка, приобретении китайских книг и рукописей, назначении архимандрита Даниила проф. китайского яз., увольнении его и назна-

чении на его место И. П. Войцеховского. 5 марта 1837–17 ноября 1844 г.». 70 лл.

6. НА РТ. Ф. 92 . Оп.1. Д. 4814. Л. 1–3 об.

7. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 14.

8. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 201. Оп. 1839. Д. 13. Л.19.

9. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совета. Д. 8453. Л. 6–10.

10. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совета. Д. 8453. Л. 5.

11. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совета. Д. 8453. Л. 10.

12. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 775. Оп. 1. Д. 257. Л. 10.

13. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 47–49.

14. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 61 об.

15. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 60.

16. НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 2283. Л. 75–79.

17. Васильев В. П. Современное положение Азии — китайский прогресс. СПб., 1883. С. 22.

18. Хохлов А. Н. В. П. Васильев в Нижнем Новгороде и Казани // История и культура Китая (сборник памяти академика В. П. Васильева). М., 1974. С. 44-45.

19. Фойгт К. К. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. Казань, 1852. С. 61.

20. НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 300–301.

21. Фойгт К. К. Обозрение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 год. Казань, 1852. С. 57.

22. НА РТ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 8453. Л. 59–88.